

# Философия. Социальная философия. Философия религии

---

И.А. Крайнова

## Человек и «человеческое» в системной теории Никласа Лумана

Статья посвящена рефлексии проблемной части теории Никласа Лумана – взаимодействию человека и системы, следующей из заданного им различения психических и социальных систем. Автор предпринимает попытку продемонстрировать механизм теории взаимопроникающих систем Лумана, возвращающей «человеческое» в социальную науку на новых основаниях.

*Ключевые слова:* субъект, коммуникация, взаимопроникновение систем, тело, символически генерализированные медиа.

В статье предпринимается попытка актуализировать тему субъекта в теоретических построениях Никласа Лумана. В этом отношении, с нашей точки зрения, необходимо обратить внимание на ту часть его теории, в которой высвечивается различение систем – сознания и коммуникации.

Уже на первых страницах основного и итогового труда Никласа Лумана «Общество общества» он заявляет, что предположение, построенное по типу «общество состоит из конкретных людей и отношений между людьми»<sup>1</sup>, только блокирует познание общества. Столь резкий пассаж, при первом приближении, подталкивает к бессубъектному описанию общества, в котором абстрактные аутопойетические системы взаимодействуют путем сложного процесса коммуникации. Между тем человек и «человеческое» в системной теории Никласа Лумана играют важную роль, ибо, по его же собственному утверждению, социальная система невозможна без человеческого действия. Эти и подобные им утверждения, чуть ли не исключаящие друг друга, нуждаются в пояснении.

Луман многократно повторяет: теория систем есть теория системы и окружающего мира<sup>2</sup>. Различение «система / окружающий мир» может быть проинтерпретировано таким образом, что окружающий мир останется только фоном системных процессов. Однако Луман говорит о другом: «Окружающий мир, – пишет он, – есть конститутивный момент данного различия, таким образом, не менее важен для системы, чем она сама»<sup>3</sup>. И это замечание важно, т. к. вся деятельность систем происходит на их границе, в то время как окружающий мир обеспечивает их функционирование. Луман делает еще одно не менее важное утверждение: «При помощи различия системы и окружающего мира возникает возможность понимать человека как часть окружающего мира общества комплексней и в то же время свободнее, нежели при его понимании как части общества»<sup>4</sup>. Это обеспечивается тем, что окружающий мир обладает большей комплексностью, чем любая система, он хаотичен, неупорядочен, а значит, в нем много контингентных возможностей для того же человека. «Никто не может обдуманно и всерьез утверждать, – пишет он, – что общество можно создать подобно человеку, увенчав головой»<sup>5</sup>.

В этой связи большое значение приобретает тема от-дифференциации подсистем общества, которая происходит на всех его уровнях. Тогда сама система становится «окружающим миром» для своих подсистем.

Когда речь идет о системе и подсистемах, то, казалось бы, здесь нет никакого места человеку с его сознанием, надеждами, ожиданиями и проч. Так может показаться только в первом шаге рефлексии лумановского текста. Однако Луман берется всерьез за решение данного вопроса. В статье «Понимание общества»<sup>6</sup> он называет субъектно-объектную схему главной ошибкой современной ему социологии. Иными словами, Луман предлагает рассматривать человека не элементом системы общества, а частью окружающего мира системы. Безусловно, такой ход размышлений противоречит традиционным гуманистическим установкам. Но означает ли он, что человек выступает чем-то вторичным и малозначительным по отношению к системе общества?

Есть все основания утверждать, что основное различие системной теории Лумана (система / окружающий мир), вопреки распространенному мнению, вовсе не элиминирует субъекта из социологического дискурса. Как это можно показать?

Для начала обратимся к теме взаимопроникающих систем, которая, на наш взгляд, лишь частично была прописана Луманом.

Отношения человека и социальной системы могут быть представлены как коммуникативная модель взаимопроникновения, но –

это необходимо уточнить – вовсе не путем прямого имплантирования структур одной системы в структуры другой. Под взаимопроникновением в данном случае следует понимать коммуникативное взаимное соопределение систем. «Взаимопроникновение, – пишет Луман, – ...имеет место в том случае..., если обе системы содействуют друг другу благодаря тому, что всякий раз вносят свою собственную, уже конституировавшуюся комплексность в другую»<sup>7</sup>. Попросту говоря, речь не идет о «переносе» из одной системы в другую каких-либо неразложимых субстанций. Взаимопроникающие системы всегда остаются друг для друга «окружающим миром» и поэтому взаимодействие между ними осуществляется по законам различения и формы.

Теперь должно быть понятно, что, обозначая взаимодействие оперативно закрытых систем русским словом «взаимопроникновение», вовсе не подразумевается то, что структуры одной системы становятся структурами другой, и наоборот. Особенность взаимопроникающих систем обнаруживается уже в том, что они используют одни и те же операции, «однако они придают им всякий раз разную избирательность и разную способность присоединения, разное прошлое и разное будущее»<sup>8</sup>. Это положение требует хотя бы краткого пояснения. Суть в том, что «взаимопроникновение» одной «конституировавшейся комплексности» в другую осуществляется по тем же правилам (законам различения формы), по которым осуществляется аутопойезис любой операционально замкнутой системы – «система – окружающий мир (unmarked space)». То есть отбор присоединений всегда оказывается непредсказуемым.

И здесь мы переходим к главному – Луман четко проводит различие между психическими системами (сознание) и социальными системами (коммуникация). Эти две системы вовсе не являются чем-то одним и тем же, но выраженным с разных сторон. Все происходящее в обществе, например с нами, в тот момент, когда я на клавиатуре набираю этот текст, можно тематизировать *психологически или коммуникативно*. Если обращаться к психической системе (сознанию), то ее описание подводит к использованию термина «субъект», а вслед за этим – и смысловых порождений, которые наработаны в науках о сознании/психике. Если же мы имеем дело с коммуникативными системами (рекурсивным приемыканием операций), то предпочтительней опираться при этом на термин «наблюдатель», а вслед за этим включать в работу потенциал системной теории. Понятно, что эти описания вовсе не будут описаниями одного и того же, а будут описаниями двух процессов,

систем – сознания и коммуникации. Здесь мы имеем дело с тем, что Луман назвал парадоксом полной зависимости и полной независимости, когда коммуникация протекает только через сознание, посредством сознания, но на уровне операции никогда не является сознанием.

И все же, если мы имеем дело с системами, то мы вправе рассматривать их сопряжение, а значит – *границу* системы. При этом операция «перехода границы» (reentry) между структурно сопряженными системами показана Луманом как то, что «границы одной системы могут быть переняты в операционную область другой»<sup>9</sup>. В данном случае речь идет о том, что границы социальной системы попадают в сознание, которое является системой психической. Сознание и коммуникация, таким образом, взаимоопределяют границы друг друга, а «каждая система, участвующая во взаимопроникновении, реализует в себе самой иную систему как ее различие системы и окружающего мира, не распадаясь при этом сама»<sup>10</sup>. Каждая система – сознания и коммуникации – распоряжается самостоятельно (самореферентно) своей комплексностью и таковую предоставляет в распоряжение другой системе. Так осуществляется коммуникация систем.

Таким образом, взаимопроникновение реализуется по правилам коммуникативного «перехода границы», а не путем делегирования своих структур. Именно в этом тезисе следует усматривать специфику лумановского понимания взаимодействия как взаимопроникновения систем.

Интересно, что вышеприведенный принцип в равной степени распространяется и на тело как полноценного участника коммуникативной ситуации взаимопроникновения. *Тело* – довольно важный концепт для теории коммуникации. К примеру, Дж. Г. Мид, раскрывая проблему телесности, вводит понятие жеста. Для него механизм жестов становится универсальным кодификатором социального поведения, обеспечивающим участников интеракции возможностью давать ответы на взаимно адекватные ситуации, тем самым делая коммуникацию возможной. Луман же сомневается в возможностях подобной синхронизации поведения: «Остается вопрос, – пишет он, – как должна проявляться спецификация телодвижений, чтобы служить специфическим стимулом поведения другого... как два тела обеспечивают свое весьма специфическое взаимодействие?»<sup>11</sup>.

Луман обращает внимание на то, что «люди неизбежно полагают друг друга в телесной оболочке; иначе они не могли бы ни локализовываться, ни как-либо иначе воспринимать друг друга»<sup>12</sup>. Тело

видимым образом маркирует свою комплексность, которая элементарно позволяет избежать столкновения с другими телами. Почему это представляется возможным? Тело имеет социальную историю, иными словами, оно социально специфицировано. Здесь, пожалуй, следует упомянуть исследования Марселя Мосса, который показывает, что развитие телесного поведения происходит под влиянием социальных факторов. Но Луман идет дальше. Тело специфицировано не только относительно социальных норм или вещей (стул предполагает, что на него садятся определенным образом), но оно еще оказывается способным специфицироваться в ранее неизвестных взаимодействиях. Таким образом, телесность становится общей предпосылкой операции присоединения, «ее можно развивать, подготавливать, совершенствовать для определенных социальных функций»<sup>13</sup>. Собственно по этой же причине люди не сталкиваются лбами при передвижении.

Тело включается в операцию взаимопроникновения человека («субъекта») и системы, становится связующим элементом комплексности окружающего мира и социальной системы, но не в привычном онтологическом его контексте – не как субстанциональная единица. С другой стороны, тело еще не является символически генерализованным средством коммуникации. Оно остается только предпосылкой социальной жизни, когда предзадано любой системе общества только в качестве окружающего мира. Луман называет тело «агломератом систем». Оно аккумулирует смысл, позволяющий системам распознавать комплексность, это ведет к возможности ожидать, как поведет себя тело. «Однако данное единство комплексности и непосредственная ориентация с его помощью не есть само тело; они становятся единством и непосредственностью лишь в схеме различий, следующих из взаимопроникновения»<sup>14</sup>.

Человек и система взаимосвязаны, поэтому «субъект» никуда не исчезает. Ибо действие, даже если это действие людей – это компонент социальных систем, и человек может действовать только в рамках социальных систем. Различение «система – окружающий мир» вовсе не определяется онтологически, а только коммуникативно. Оно не разрезает реальность, а позволяет осуществлять взаимопроникновения, но всегда по правилам системной теории коммуникации. Коммуникация в определениях Лумана представляет собой трехчастный акт последовательного присоединения сообщения, вычлененной из него самой системой информации, и операции понимания, которая делает либо не делает возможным присоединение данного коммуникативного акта к остальной цепочке. В этой операции понимания и присутствует человеческое

действие. «...Для сообщения и понимания, а во многом и для производства фактов, выступающих в коммуникации в качестве информации, требуются люди, – пишет Луман, – поэтому взаимопроникновение... имеет место в форме коммуникации; и наоборот, каждый конкретный запуск коммуникации предполагает отношение взаимопроникновения»<sup>15</sup>.

Взаимопроникновение напрямую связано с редукцией сложности, производящейся в обе стороны. Демонстрацией редукции возникающей сложности могут служить также символически генерализированные медиакоммуникации. Они возникают преимущественно вместе с распространением письменности. Целью функционирования медиа становится производство ситуаций, в которых невероятность предполагаемой комбинации трансформировалась бы в вероятность. «Они, – отмечает Луман, – должны не только символически функционировать, но должны быть генерализованы, поскольку соответствующие ожидания, предвосхищающие дальнейшие аутопойезисы, могут сложиться только тогда, когда форма охватывает многие различные ситуации... В конечном счете, речь всегда идет о том, чтобы поощрить коммуникацию при помощи дополнительно создаваемых шансов ее принятия, о том, чтобы сделать возможным “да”»<sup>16</sup>. (Здесь важно отметить, что в теории коммуникации любая информация подвергается кодированию на основе двоичного кода: да/нет (принятие/отклонение). Каждый код сообразен событиям, возможным в системе. Множество кодов не пересекаются между собой, а покрывают только подвластную системе зону комплексности.)

Символически генерализированные медиумы возникают эволюционным путем из повседневных ситуаций. Окончательное их формирование осуществляется с момента институционализации общества, образования множеств подсистем. По сути, происходит то, что еще Бергером и Лукманом описывалось как разрушение единого символического универсума, когда процесс институционализации порождает рост количества символических универсумов. Происходящий далее процесс типизации позволяет системам создавать семантику, направленную на снятие сложности окружающего мира и других систем. Но стоит отметить, что ситуация взаимопроникновения хоть и происходит между субъектами, все же не отменяет различия между психическими и социальными системами (взаимопроникновение между людьми возможно только как коммуникация, это ни в коем случае не касается психических процессов) и между системой и окружающим миром.

Для Лумана, как преемника парсоновских идей, такой процесс становится результатом от-дифференциации подсистем внутри си-

стемы общества. Причем от-дифференциация осуществляется таким образом, что сама система является окружающим миром своих подсистем. Сложность коммуникации растет, соответственно растет сложность принятия коммуникации. Проблема решается двумя способами: 1) развиваются средства передачи коммуникации: язык, письменность, книгопечатание, массмедиа и параллельно этому процессу – 2) символически генерализованные средства: Истина, Мораль (Ценности), Деньги, Искусство, Любовь и Власть. Они обладают уже заведомо известным кодированием, которое предполагает принятие или отклонение того или иного акта коммуникации, совершенного внутри системы.

Символически генерализованные медиа оперируют, как любая коммуникация, в структурном сцеплении с сознанием тех психических систем, которые участвуют в коммуникации<sup>17</sup>.

Эта связь также распространяется и на тела, поэтому телесность выступает равноправным участником коммуникации. Для этого Луман вводит понятие *симбиотических символов*. Они являются способом, который упорядочивает разрушающее коммуникацию воздействие посредством телесности. Благодаря такому механизму в коммуникации перерабатываются результаты вышеописанного структурного сопряжения с психикой, сохраняя при этом операциональную замкнутость систем и исключая некоммуникативный способ их оперирования.

Далее, поскольку коммуникация может наблюдать только себя, в момент различения информации и сообщения ей необходимо определить, какой стороне формы системы приписывать полученное различие. Символические генерализации приписывают селекции либо самой системе, тогда речь идет о *действиях*, либо окружающему миру, тогда мы говорим о *переживаниях*. Ego и alter, осуществляя коммуникацию, одновременно могут совершать только один акт: переживание (информация) или действие (сообщение). Этот принцип позволяет выявить схему работы символических генерализаций. Применительно к медиуму *Любовь*, эта схема работает в семантике *переживание – действие*. Сообщая о своей любви, alter считает ее своим переживанием, тогда как от ego ожидается действие, либо наоборот: ego своими действиями вызвал переживание любви у alter. Взаимодействие в медиуме *Любовь* характеризуется тем, что здесь нивелируется специфическое, но при этом частное генерализируется.

В современном ее понимании, которое отчетливо отличается от традиции *philia-amicitia*<sup>18</sup>, она требует того, чтобы любящее его своими действиями реагировало на то, что переживает alter, и в особенности на то, как alter воспринимает его<sup>19</sup>.

Луман характеризует отношения любви возможностью быстрой координации, во многом перескакивающей саму коммуникацию, это свободная от коммуникации согласованность. Но в ее семантике есть односторонняя направленность, при которой необходимо принимать партнера как индивидуализированное его:

Его, задающийся вопросом, любит ли его alter, должен, таким образом, видеть alter как alter ego, для которого ego в качестве alter превращается в мотив выхода за свои пределы<sup>20</sup>.

На деле эта ситуация снимается двойной контингенцией; как результат, операция понимания локализует собственное «я» в мире Другого. Ситуация любви все акты по отношению к партнеру превращает в наблюдение за жестами, причем неважно, вербальными или телесными.

Еще одна особенность медиума Любовь – асимметричное построение коммуникации, в отличие, например от Морали, поэтому «любовь, поскольку выстроена асимметрично, оказывается... часто несчастной любовью» – пишет Луман<sup>21</sup>. Но, как медиум, любовь накладывает на коммуникацию определенные обязательства, позволяющие редуцировать сложности во взаимопонимании. «Для всей теории символически генерализированных средств коммуникации нет более универсального медиума, медиума создания мира неповторимым взором Другого», – заключает Луман<sup>22</sup>.

Неудивительно то, что Луман призывает отличать межличностное проникновение от социального взаимопроникновения. Первый случай выходит за возможность вербальной коммуникации. «Дело не в отсутствии слов, не в нехватке времени на коммуникацию...»<sup>23</sup>. Семантика любви включает в себя некоммуникабельное – свободную от коммуникации согласованность. Избыточная комплексность в таком случае редуцируется молчанием: «быстрых взглядов хватает»<sup>24</sup>.

Иного рода взаимодействие происходит в медиуме *Мораль*. Мораль становится «бинарной схематизацией», которая распространяется на оба типа взаимопроникновения.

Она функционирует уже в схеме *переживание–переживание*. Когда alter сообщает, что некое положение дел имеет ценность, он

сообщает результат своего переживания и предполагает, что такого же рода переживания возникают у его. Здесь действие перестает быть необходимым, как в случае с медиумом Любовь. Тем не менее симметричная апелляция к субъекту сохраняется. Медиум Мораль отличается от других видов коммуникации тем, что основывается на ряде правил и принципов, которые маркируются как «моральные» и отличают себя от других (например, правовых). Так как в семантике морали его не ожидает от alter действия, а только переживание, мораль предполагает совершенно невероятное включение «личностей как таковых» в процесс коммуникации.

«Моралью социальной системы, – пишет Луман, – мы будем называть совокупность условий, в соответствии с которыми в данной системе принимают решение об уважении и неуважении»<sup>25</sup>. Мораль функционирует при кодировании: уважение/неуважение. Она не приемлет никакого третьего кода. Семантика морали также не предполагает, что ее код будет использоваться в других генерализациях. В этом смысле коды символически генерализированных медиа неконгруэнтны. «Властитель, собственник, возлюбленный, успешный ученый – любой отличившийся в отношении своего кода – не получает за это морального признания»<sup>26</sup>. И наоборот, общество не готово морально порицать безденежных, неуспешных в любви и бесправных. Для Лумана принципиальной позицией становится тот факт, что общество не выстраивается на моральной коммуникации, но это не исключает моральную коммуникацию из общества вовсе. «Только при поверхностном и к тому же одностороннем рассмотрении мораль предстает как связующее средство, удерживающее людей в обществе»<sup>27</sup>. Стоит отметить, что эта позиция вводит Лумана в спор с Хабермасом, как раз утверждающим возможность не только влиять на коммуникацию в обществе, но и наполнять ее правильными, «моральными» интенциями, что поможет, «очищая» коммуникацию, это общество исправлять. Для Лумана такой путь ложен, ибо «мораль сегодня – всего лишь мораль»<sup>28</sup>, она лишается своего «космического» статуса. В современной ситуации многие моральные оценки прошлого подвергаются серьезной трансформации.

Остается заметить, что символические генерализации – это человеческие практики, от-дифференцирующиеся от повседневности и помещенные в системные процессы как правила для коммуникации. Но эти процессы также оказываются неотделенными от субъекта, функционирующего в окружающем мире системы.

Таким образом, теория Лумана позволяет уйти от крайностей субъектоцентричных или объектоцентричных парадигм. Она не

редуцирует субъекта, но она и не выстраивает свою аргументацию вокруг него. Это позволяет избежать ряда проблем, которые возникают, например, в теории игр, в которых анализируется поведение субъекта, а его рациональность задается аксиоматически<sup>29</sup>. В свою очередь, системная теория Лумана позволяет, с нашей точки зрения, высветить сильные и слабые стороны «постсоциальных исследований», где утверждается симметричная антропология субъекта и объекта<sup>30</sup>, тогда как сложность (комплексность) человеческого общества описывается через староевропейскую (по определению самого Лумана) субъект-объектную схему.

#### Примечания

- <sup>1</sup> Луман Н. Общество общества: В 2 т. Т. 1: Кн. 1–3. Кн.1: Общество как социальная система / Пер. с нем А. Антоновского. М.: Логос, 2011. С. 23.
- <sup>2</sup> Луман Н. Различение системы и мира // Там же. С. 63–82.
- <sup>3</sup> Луман Н. Социальные системы: Очерк общей теории / Пер. с нем. И.Д. Газиева. СПб.: Наука, 2007. С. 285.
- <sup>4</sup> Там же.
- <sup>5</sup> Там же.
- <sup>6</sup> См.: Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии / Под ред. А.О. Бороноева. СПб.: Петрополис, 1994. С. 25–42.
- <sup>7</sup> Луман Н. Социальные системы... С. 290.
- <sup>8</sup> Там же. С. 288.
- <sup>9</sup> Там же. С. 290.
- <sup>10</sup> Там же. С. 291.
- <sup>11</sup> Там же. С. 325.
- <sup>12</sup> Там же. С. 326.
- <sup>13</sup> Там же.
- <sup>14</sup> Там же. С. 333.
- <sup>15</sup> Там же. С. 289.
- <sup>16</sup> Луман Н. Медиакоммуникации // Луман Н. Общество общества. Кн. 2: Медиакоммуникации. С. 342.
- <sup>17</sup> Там же. С. 401.
- <sup>18</sup> Акцент на Любви как на символической генерализации впервые вводит эту категорию в социальную теорию. Работа Лумана «Любовь как страсть» («Liebe als Passion», 1982) становится в этом смысле программной. Здесь он прописывает эволюцию любви и процессы ее институционализации. Луман замечает, что семантика Любви долгое время считалась прерогативой аристократии и высших слоев буржуа. Позже она – практика любви – тривиализируется, становится

условием заключения брака, поэтому теперь мы можем говорить о ней как о социальном медиуме.

<sup>19</sup> Луман Н. Медиакоммуникации. С. 364.

<sup>20</sup> Там же.

<sup>21</sup> Там же. С. 366.

<sup>22</sup> Там же.

<sup>23</sup> Луман Н. Социальные системы... С. 305.

<sup>24</sup> Там же. С. 306.

<sup>25</sup> Там же. С. 313.

<sup>26</sup> Луман Н. Медиакоммуникации. С. 430.

<sup>27</sup> Луман Н. Социальные системы... С. 312.

<sup>28</sup> Луман Н. Медиакоммуникации. С. 425.

<sup>29</sup> См.: Шеллинг Т. Стратегия конфликта / Пер. с англ.; Под ред. Ю. Кузнецова. М.: ИРИСЭН. 2014; Моргенштерн О., Нейман Дж., фон. Теория игр и экономическое поведение: Пер. с англ. / Под ред. Н.Н. Воробьева. М.: Наука, 1970.

<sup>30</sup> См.: Латур Б. Нового Времени не было: Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д.Я. Калугина. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006.